

Глава 10. Два ляна

В полдень дома были только он и Цинь Юй. Поскольку сегодня тяжёлой работы не случилось, Цяо Суйман немного подумал, сорвал один мохнатый тыквенный плод¹ и вернулся в главную комнату, где взял пригоршню одуванчиковых листьев. Под строгим взглядом Цинь Юя, юноша торопливо прошёл на кухню.

Кухня семьи Цяо по сельским меркам считалась просторной, но обставлена была скупо, из-за чего казалась почти пустой.

Цяо Суйман развёл огонь под меньшим железным котлом, а затем очистил и нарезал мохнатую тыкву. Он зачерпнул воды, промыл одуванчиковую зелень и отложил её у очага. Пламя быстро разгорелось. Гер плеснул в раскалённый котёл ковш воды — воздух наполнился шипением.

Когда вода закипела, он бросил в неё тыкву и одуванчики, подлил немного масла и дал супу прокипеть два раза. Затем Цяо Суйман установил бамбуковую решётку для варки на пару и положил сверху оставшиеся два грубых паровых хлебца, чтобы разогреть их.

Эту решётку несколько лет назад смастерил Цяо Жуйфэн. Большинство деревенских умели делать такие вещи. Она была меньше отверстия котла, поэтому не мешала кипению супа внизу и не препятствовала тому, чтобы крышка плотно закрывалась. К тому же при таком способе готовки экономилась дрова, ведь не нужно было разжигать ещё одну печь.

Зелень сварилась быстро. Цяо Суйман отодвинул хлебцы, снял решётку и увидел, что одуванчики стали ярко-зелёными. Отвар вышел в самый раз — ароматный, сладковатый, с лёгким масляным блеском, отчего выглядел ещё аппетитнее.

Он разлил суп по двум мискам и отлил небольшую часть отдельно, чтобы смешать с отрубями для Хэйциня. Затем юноша поставил в главной комнате низкий столик, расставил на нём две миски с супом и поел вместе с Цинь Юем: каждый съел по хлебцу с зеленью и бульоном.

И мохнатая тыква, и одуванчики были сорваны только что, поэтому оставались удивительно хрустящими и насыщенными вкусом. Даже с каплей соевого масла, горячий суп оказался восхитительным. Еда была подчистую съедена ими вдвоём и псом. Не осталось ни крошки.

Цяо Суйман разложил промытые бамбуковые грибы на деревянной решётке во дворе, а побеги и корни императы, которые он спрятал на дне корзины, тоже вымыл и убрал на кухню.

Бамбуковые побеги были крупные. Вечером они срежут половину одного, обжарят его с сушёным красным перцем и на пару приготовят ещё несколько хлебцев — этого хватит, чтобы накормить всех троих. Цяо Жуйфэн сегодня ушёл на тяжёлые работы в Гуцяо², так что на зёрнах и масле экономить было нельзя.

Паровые хлебцы, приготовленные несколько дней назад, закончились к полудню, а это значит, что нужно было делать новые. После прополки и удобрения огорода предстояло ещё проверить посеы на сорняки.

Позже нужно было заняться заготовкой напитков. Дрова дома запасли ещё до дождей. Хоть кое-какие запасы и оставались, дрова следовало собрать ещё, чтобы не остаться ни с чем, если снова пойдёт дождь. У крестьян не бывает праздности: работа всегда находилась — и в доме, и за его пределами.

— Ман-гер! — раздался голос у ворот.

— Тётушка Шуйфэнь, я на кухне!

Цяо Суйман убрал вымытые миски обратно в каменный шкаф и, вытирая руки о короткий фартук, откликнулся.

Чжоу Шуйфэнь не остановилась у ворот и с широкой улыбкой вошла прямо во двор семьи Цяо, направившись сразу на кухню.

— Ман-гер, то, что вы вчера принесли, продалось за хорошие деньги!

Говоря это, она раскрыла маленький тряпичный мешочек и высыпала несколько кусочков дроблёного серебра.

— Молодой хозяин трактира «Лайфу»³ принимал гостей, а твой дядя Пинь обмолвился об этом, когда доставлял овощи. Кто бы мог подумать, что управляющий скупит всё!

Одни только жёлтые грибы ушли за целых три цянтя серебра. Термитных грибов было всего полцзиня⁴, но за них дали сорок вэнь. Красные и зелёные грибы стоили ещё дороже: хоть весили они всего девять лянов⁵, за них заплатили два цянтя и тридцать вэнь.

В этом сезоне весенние бамбуковые побеги встречались повсюду, поэтому цена на них была невысокой — всего семь вэнь за цзинь. К счастью, побеги, которые срезал Цяо Суйман, были крупными и в сумме потянули на четырнадцать цзиней. Вместе с остальными дикорастущими овощами вышло сто тридцать вэнь.

Иначе говоря, всего один вчерашний поход в горы принёс им целых семь цянов серебра.

Глаза Цяо Суймана вспыхнули, а губы сами собой растянулись в улыбке, которую невозможно было сдержать. Он снова вытер руки о фартук и бережно принял серебро. В зажиточных домах к деньгам относились тщательно, даже обломки серебра сияли. Они явно были срезаны с крупного слитка.

В нынешние времена в Великой династии Шэн⁶ самым маленьким серебряным слитком был лян. А то, что было у него сейчас, — всего лишь несколько цянов, так что, разумеется, это были мелкие кусочки.

Даже если Чжоу Шуйфэнь ничего бы не сказала, Цяо Суйман и так знал: Чэнь Пин наверняка замолвил за него словечко. Он с благодарностью произнёс:

— Тётушка Шуйфэнь, я даже не знаю, как вас отблагодарить... и дядю Пина тоже, я...

— Глупый ребёнок, что за чепуху ты несёшь? Такая мелочь... не о чем тут говорить. Я просто рада видеть, что у вас всё налаживается.

— Тётушка, подождите минутку. Я нарву вам с заднего двора мохнатых тыкв! И на жаркое подойдут, и в суп.

— Не надо, не надо! Я уже приготовила обед.

— Тогда возьмите на вечер, — не дав Чжоу Шуйфэнь возможности отказаться, Цяо Суйман поспешил на задний двор.

Мохнатые тыквы быстро спели. Быстрыми движениями юноша сорвал три крепких плода и по дороге прихватил ещё и люфу⁷, после чего вернулся во двор перед домом.

— Тётушка Шуйфэнь, всё свежее. Завтра я буду делать напитки для всех, отложу для вас несколько трубок. Скажите Сюэшэну, пусть заглянет.

Сердце Цяо Суймана переполняли чувства. Семья Чэнь помогала ему так много, что он и не знал, как им отплатить. Деньги они брать отказывались, и всё, что ему оставалось, — это время от времени приносить овощи со своего огорода или угощать домашними заготовками, в знак хоть какой-то благодарности.

— Ладно, ладно. Только не надрывайся, хорошо? Деньги припрятать как следует. Дальше всё будет только лучше.

Чжоу Шуйфэнь ощутила теплоту в сердце. Этот Ман-гер был трудолюбивым, смышлёным и добрым. Только эта злосчастливая Линь Сюэуа всё болтала, будто у него дурная судьба.

Если бы Цяо Чэнфу был надёжным хозяином семьи, свахи давно бы истоптали порог дома Цяо, наперебой предлагая Ман-геру браки. Жаль только, что Сяшэн ещё слишком мал, а то она бы без раздумий забрала его в дом своим сыновьям в мужья.

Чжоу Шуйфэнь тяжело вздохнула про себя. Она не знала, кому он в конце концов достанется, но от всей души надеялась, что это будет достойный человек, способный подарить Сяо Ману счастливую жизнь.

Она не стала задерживаться — дома её ждали к столу. Не сумев отказаться, тётушка унесла овощи с собой. Будь это что-нибудь более ценное, она бы категорически не приняла.

Цинь Юй вышел из своей комнаты. Он слышал голос Чжоу Шуйфэнь, но решил, что та принесла Цяо Суйману деньги, поэтому не стал подходить. Захочет рассказать — расскажет, нет — он не станет лезть. Сяо Ман уже вырос, и многое теперь должен решать сам.

— Цинь Юй-гэ, угадай, за сколько продались грибы, что я вчера насобирал, — Цяо Суйман был в таком приподнятом настроении, что улыбался во весь рот, почти щурясь. Они ведь не чужие, скрывать тут было нечего.

К тому же, если старший брат и Цинь Юй-гэ будут знать, сколько у него появилось лишних денег, они больше не станут удерживать его от покупки соли, соевого соуса или уксуса для дома.

— Такой счастливый? Ну, дай угадаю... четыре цяна?

Цинь Юй покачал головой. Снаружи этот парень был сообразительным и взрослым, но рядом с ними оставался всё тем же ребёнком, каким был когда-то.

Цяо Суйман не стал тянуть. Он достал из кармана всё дроблёное серебро и разложил на ладони.

— Столько много?

— Ага! Я тогда всё обыскал и набрал жёлтых, красных и зелёных грибов... попало кое-что очень ценное. А дядя Пин как раз столкнулся в городе с молодым хозяином, который принимал гостей, вот они и скупили всё разом.

— Тогда спрячь деньги как следует, храни надёжно. Не давай посторонним узнать, и особенно отцу! Понял?

— Понял.

Цяо Суйман вернулся в свою комнату и закрыл дверь. Обстановка там была скромной: у стены стояла дощатая кровать, рядом — сундук из пихтового дерева, да стол со стульями.

Но лишь он один знал о маленькой запертой деревянной шкатулке, спрятанной под кроватью у стены. В детстве он подобрал её на земле, видимо, кто-то выбросил ненужную вещь. Шкатулка была старая, но всё ещё крепкая.

Он протёр её, открыл крышку. Внутри лежали деньги, заработанные за эти годы на продаже напитков и дикорастущих овощей вместе с Цинь Юем. Напитки они продавали нечасто. До того как Цинь Юй вошёл в их дом, деньги, которые Цяо Суйман и его старший брат выручали с напитков, хранила Ли Хуа. Уходя, она не оставила им ни одной медной монеты — всё, должно быть, ушло на пьянство Цяо Чэнфу.

Последние два года они с Цинь Юем ставили лоток на рынке первого и пятнадцатого числа каждого месяца, зарабатывая каждый раз около шестидесяти-семидесяти вэнь. Выходило по тридцать-сорок на человека. Но в ветреную, дождливую погоду и зимой после десятого месяца торговать было невозможно. Потратив кое-что на хозяйственные нужды, за эти два года они сумели скопить в общей сложности шестьсот семьдесят четыре вэнь.

Когда они просили Чэнь Пина продать для них овощи, то сразу говорили сбавить цену и сбыть всё по дороге, чтобы не тратить его время. Делали они это редко, поэтому выручка выходила сущими медяками. Напитки продавали по два-три вэнь — тоже мелочь. Сегодняшнее дроблёное серебро было первым в жизни Цяо Суймана, и он не мог оторвать от него глаз.

Медные монеты он пересчитывал уже бесчисленное количество раз, но каждый раз, открывая шкатулку и слыша звон множества монет, всё равно испытывал радостный трепет.

Опасаясь лишний раз трогать серебро, чтобы не сточить его, он достал маленький мешочек, сшитый из обрезков ткани, осторожно положил туда серебряные кусочки и убрал мешочек в шкатулку.

Теперь у него был один лян серебра и триста семьдесят четыре вэнь. Линь Сюхуа хотела продать его семье Линь всего за два ляна? Ха! Ещё немного постараться — и он сам заработает два ляна.

Юноша долго прижимал шкатулку к груди, а затем неохотно спрятал её обратно под кровать, придавив сверху камнем, чтобы никто ничего не заметил.

—

Небо ещё было тёмным, когда Цяо Суйман, зевая, помешивал напиток в котле деревянной палкой. Отвар из периллы уже приобрёл свой характерный цвет.

Вчера вечером, стоило ему заговорить о случившемся со старшим братом, как тот отчитывал его почти столько, сколько горит благовонная палочка⁸. Если бы Цинь Юй не вмешался и не сгладил разговор, брат, пожалуй, продолжал бы наставления ещё пол-шичэня⁹.

Как бы то ни было, дело было решено. До пятнадцатого оставалось всего четыре дня, а четырнадцатого брат отнесёт бамбуковые грибы в дом Лу.

Цинь Юй сорвал в заднем дворе несколько кислых жёлтых плодов и вымыл их. Напитки они

варили на глиняной печи, которая вмещала немного воды. Чтобы наполнить три деревянные бочки, приходилось варить шесть партий, поэтому Цяо Суйман и Цинь Юй поднялись ещё затемно.

Это была уже пятая партия, и цвет у отвара получился очень удачным. Цяо Суйман добавил верхушки и корни императы для сладости, дал покипеть ещё полкэ¹⁰, затем выловил размякшие листья периллы и корни травы. Он перелил напиток в стоявшую рядом бочку. Эти бочки использовались только для напитков — их внутренние стенки за годы пропитались розовато-красным оттенком.

Шестая партия вскоре была готова. Цинь Юй очистил кислые жёлтые плоды, растолок их в сок и добавил в каждую бочку сок от двух плодов. Больше было нельзя, иначе вкус станет слишком резким. Кожуру всегда снимали, чтобы не было горечи: до этого Цяо Суйман дошёл опытным путём.

Ли Хуа переписала рецепт кое-как, поэтому вкус у него выходил посредственный. Раньше, когда они могли позволить себе сахар, сладость скрывала все огрехи, и напиток ещё можно было продавать. Теперь же, даже имея немного денег, они не покупали сахар, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Без сахара все недостатки сразу становились заметны. Цяо Суйман вспомнил, как в детстве, когда был голоден, жевал корни императы и чувствовал в них лёгкую сладость. По наитию он попробовал добавить их в напиток... и вкус действительно стал лучше.

Когда три бочки периллового напитка были готовы, их накрыли и оставили остывать. Небо уже начинало светлеть. К приходу покупателей напитки будут как раз нужной температуры.

Жаль только, что сейчас не сезон персиков. Сушёные кусочки персика, добавленные в перилловый напиток, придавали ему особый вкус. Когда-то они первыми на рынке придумали это, и напиток расхвалился на ура, пока городские торговцы не переняли идею, и продажи не пошли на убыль.

— Сяо Ман, напиток уже готов?

Кто-то окликнул их из-за двора.

1 冬瓜 — разновидность зимней дыни, распространённая в южной китайской кухне; напоминает цукини, но с пушистой кожицей

2 桥 — буквально «Крепкий мост»

3 旺铺 — «Лайфу» означает «приходящее благополучие», распространённое благопожелательное название для заведений

4 斤 — «кати», ~600 г

5 分 — ~37 г

6 隋朝 — вымышленная династия в истории

7 芦兜 — люффа (используется в кулинарии и для изготовления натуральных губок)

8 香炷 — традиционная мера времени, равная времени сгорания одной ароматической палочки (~30 минут)

9 时辰 — традиционная китайская единица времени, равная двум часам

10 刻 — древняя единица времени, примерно 15 минут; половина кэ — около 7,5 минуты

<http://bllate.org/book/15225/1356180>